

Заметки, РОМАН СЕНЧИН АНДРЕЙ ВОЛОС
АННА ЖУЧКОВА АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ
КАК АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ
ОЛЬГА СЛАВНИКОВА САНДЖАР ЯНЫШЕВ
ИРЕВА ЗАПИСКИ, ПОСТЫ ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ
ИИЧЕНКО ОЛЬГА БАЛЛА ЕЛЕНА ПОГОРЕЛАЯ
ИИ КОМАРОВ МЫ АЛЕКСЕЙ САЛЬНИКОВ
ИИЦКИЙ ЯНА СЕМЁШКИНА АЛИСА ГАНИЕВА
ИЕНКО О СОВРЕМЕННОЙ ШАМИЛЬ ИДИАТУЛЛИН
ИРДОВИЧ ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ
ЧИТАЕМ ЕВГЕНИЙ АБДУЛЛАЕВ
ВЛАДИМИР НОВИКОВ
ИРОБКОВА ЛИТЕРАТУРЕ ГРИГОРИЙ СЛУЖИТЕЛЬ

Коллектив авторов
Игорь Дуардович
Как мы читаем. Заметки,
записки, посты о
современной литературе
Серия «Книги о книгах. Book Talk»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64867297

*Как мы читаем: заметки, записки, посты о современной литературе:
ISBN 978-5-04-117561-0*

Аннотация

Этот проект родился в журнале «Новая Юность» и продолжился в «Вопросах литературы». Самых разных авторов вдруг объединило одно – поиск критерия качества. Что такое настоящая литература? Зачем вообще мы читаем? Полемика – это увеличительное стекло, через которое мы наблюдаем за временем. «Как мы читаем – попытка реабилитировать хороший литературный вкус, который по-настоящему вырабатывается лишь чтением мировой классики. Попытка героическая, тем она и привлекательна.

Лаконичная и эффектная книга, в которой собраны эссе известных авторов о практиках чтения в современном мире.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	7
От редакции «Вопросов литературы»	8
О книге	11
Автор, читатель и литература	14
Артем Скворцов	14
Дмитрий Бавильский	18
Евгений Абдуллаев	23
Яна Семёшкина	28
Алексей Сальников	36
Кирилл Молоков	42
Владимир Новиков	46
Алексей Варламов	52
Шамиль Идиатуллин	57
Григорий Служитель	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Как мы читаем: заметки, записки, посты о современной литературе

- © Абдуллаев Евгений, текст, 2021
- © Алпатов М. В., текст, 2021
- © Бавильский Д. В., текст, 2021
- © Балла О. А., текст, 2021
- © Баталов С. А., текст, 2021
- © Варламов А. Н., текст, 2021
- © Воденников Д. Б., 2021
- © Волос А. Г., текст, 2021
- © Ганиева А. А., текст, 2021
- © Гундарин М., текст, 2021
- © Дуардович И. Э., текст, 2021
- © Евсюков А. В., текст, 2021
- © Жучкова А. В., текст, 2021
- © Иванова Е. А., текст, 2021
- © Идиатгулин Ш. Ш., текст, 2021
- © Комаров К. М., текст, 2021
- © Коробкова Е. С., текст, 2021
- © Кудрин О. В., текст, 2021
- © Лебеденко С. В., текст, 2021
- © Мелихов А. М., текст, 2021

- © Молоков К. А., текст, 2021
- © Новиков В. И., текст, 2021
- © Андрей Пермяков, текст, 2021
- © Пестерева Е. С., текст, 2021
- © Погорелая Е. А., текст, 2021
- © Савельев И. В., текст, 2021
- © Сальников А. Б., текст, 2021

Благодарности

Татьяне Бобрыниной, генеральному директору журнала «Новая Юность», которая придумала название «Легкая кавалерия» для нашей критической рубрики.

Анне Жучковой, литературоведу, критику, постоянному автору «Вопросов литературы», которая с самого начала поверила в этот проект, стала его автором, а затем и соредактором рубрики.

Глебу Шульпякову, поэту, заместителю главного редактора «Новой Юности», который помог с изданием книги.

Игорю Шайтанову, литературоведу, критику, профессору и главному редактору журнала «Вопросы литературы», который все это время подсказывал и направлял нас; в итоге рубрика окончательно дозрела, а «кавалеристы» закалились.

Всем авторам, с которыми мы вместе делали книгу: составляли указатель упомянутых имен, редактировали, обсуждали и планировали, а также тем, кто регулярно писал для рубрики.

От редакции «Вопросов литературы»

Сквозной сюжет сегодняшних споров о литературе имеет футурологический характер: быть или не быть? Широкое поле между радикальными «да» и «нет» вмещает массу промежуточных решений, предлагающих литературе пойти на разного рода компромиссы: с массовой продукцией, с pop-fiction, с э-литературой и аудиокнигами... Эти споры идут на фоне памяти о недавнем прошлом, о том, от чего отказались или что потеряли. Эмоциональное состояние оппонентов колеблется между ностальгией и пониманием того, что прежнее невозможно и слава богу. Да, в советском «раньше» были писатели – их печатали хорошими тиражами и платили хорошие деньги – у них были читатели и профессиональные критики, но еще была цензура и не было свободы. Теперь есть свобода, но свободный читатель отправляется на рынок и несет с него отнюдь не Белинского и Гоголя в классическом или современном исполнении.

Эти споры озвучены и в разноголосом собрании мнений, названных «Легкой кавалерией». Она «легкая» в сравнении с жанрами, форматными для «Вопросов литературы, журнала критики и литературоведения», то есть по крайней мере в части своих жанров – издания почтенного, академического,

внесенного во все перечни журналов, включая вожделенный Scopus. И все-таки – не только журнал литературоведения, но и критики. Традиционно не только обращенный к литературе, но существующий внутри нее, приглашающий на свои страницы и критика, и писателя, с ожиданием от текстов если не писательского, то литературного качества.

Так было всегда. Но сегодня у «Воплей»¹ есть кроме прежней печатной площадки и новая – на сайте, где мы выкладываем материалы со страниц журнала и одновременно приглашаем к быстрому критическому обмену мнениями, чтобы не ждать публикации долгие месяцы.

Вот поэтому – «Легкая кавалерия». Для нас это новое подразделение. Впрочем, не хочется длить военную метафору, она никак не подходит к нашему неизменному и главному убеждению – *без радикализма*. Спорить отчаянно, порой резко, порой на грани... Кто-то скажет, что грань мы порой переступаем. Не соглашусь, во всяком случае стараемся не переступать, поскольку о вкусах спорим, но исключаем любую претензию на монопольное владение истиной и территорией. И с теми, кто разводит монополию, спорим непримиримо, так было все последние годы.

Так что перед читателем – актуальная книга, где современную литературу обсуждаем и представляем – в литературных жанрах критического нон-фикшн.

Игорь Шайтанов,

¹ «Вопросов литературы». (Прим. ред.)

главный редактор «Вопросов литературы»

О книге

В прошлом главным вопросом в литературе было: «Как писать?». Наш современный вопрос связан прежде всего с читателем, с проблемой чтения. «Как читать?» – вот наш вопрос.

«Как читать» – значит как понимать, а еще – как высказываться о литературе, что намного важнее, а не только в обыденном смысле – как найти время, чтобы открыть книгу. «Как читать» – значит еще и где читать, то есть где она, литература, обитает сегодня, и вообще есть ли она?

Она есть – вот широкое окно в нее. Эта книга в буквальном смысле находится на передовой литературы, однако она – не путеводитель, а своего рода экстремальное путешествие, вроде сафари или поездки в зону боевых действий.

Именно о такой книге, мне кажется, мечтает любой начинающий писатель в тот момент, когда важно сориентироваться в современном пространстве слова, выскочить из «ловушки» прошлого. Но «ловушкой» оно становится для тех, кто не желает увидеть настоящего, потому что боится ощутить себя на периферии жизни и искусства. Человек, который боится, конечно, не станет читать литературную критику, отмахнувшись: критик – это тот, кто сам ничего написать не может.

Три года назад, когда я собрал первый отряд злобных кри-

тиков в рубрике «Легкая кавалерия», из лучших текстов которой и составлена книга, я думал не только о проблеме высказывания в критике и о ситуации с чтением (о форматах/жанрах/технологиях и психологии), но и о бытующих стереотипах. Мне кажется, на этих страницах мы их все разбиваем.

Что такое эта рубрика и что такое книга, из нее сделанная?

«Кавалерия» – это острота, скорость и стиль. Небольшой, емкий и заряженный текст написать не так-то легко, как кажется. Именно в таком тексте и проверяется индивидуальность автора. С читательской точки зрения наблюдать за этим не менее интересно, чем за развертыванием/свертыванием мысли.

«Кавалерия» – это вкус настоящей литературной жизни. Со свойственным формату эффектом спонтанности известные писатели, критики и блогеры говорят об актуальном и волнующем: о гигантском поле сражения книг, премий, тенденций, идей, имен и т. д. Читать можно в любом порядке, а сжатый объем (заметки, записки, посты) дает максимальный срез и позволяет быстро составить представление о происходящем.

«Кавалерия» – это моментальный снимок или слепок литературного времени, это колба времени, которую мы запечатали в виде этой книги.

Наконец, «Кавалерия» – это уже явление, это новое слово, и родилось оно вместе с форматом (жанром), учитыва-

ющим особенности чтения в Интернете. Его привлекательность – в «доступности»: в краткости, нелинейности, фрагментарности и мозаичности стиля. Естественно, мы говорим наше новое слово с оглядкой на старое. Мы не боимся «ловушки» прошлого – мы любим литературу такой, какая она есть сегодня. О том и книга.

*Игорь Дуардович,
ротмистр «Кавалерии»*

Автор, читатель и литература

Артем Скворцов

О том, что говорят и думают о нас классики

Классики потому и зовутся классиками, что говорят о нас, современниках.

«О тебе речь».

Вчитаемся вот в такие рассуждения о литературной ситуации – об авторах, публике и критике.

«На месте истинных литераторов у нас, как будто в старой литературе, явились литературные поставщики, и, на безлюдье, с претензиями на литераторство. Чего вам угодно? Роман – сейчас изготовим; историю – сейчас выкроим; драму – сейчас сошьем. Только не спрашивайте у нас ни литературного призвания, ни таланта, ни учености; а книги есть. Другие поставщики, а иногда они же сами, пишут об этих книгах, хвалят их; у них есть и журналы, и критики, и партии – все что угодно, как будто в настоящей литературе; даже имена некоторых из сих господ получают какую-то странную известность. Когда я смотрю на эту чудовищную, противо-

естественную литературу, то, кажется, вижу собрание ящиков в книжных переплетах: тут есть и история, и роман, и драма; посмотришь внутри – один сор... Между тем эта литература живет своей противоестественной жизнью. Когда обществу вздумается наклониться и спросить: да где же литераторы? – поставщики очень смело выставляют свои головы и отвечают: „мы за них“. Общество присматривается, замечает на месте литературы лишь промысел, лишь желание нажиться деньгами – и одна часть общества проходит мимо с отвращением, другая верит этим господам и за фальшивую монету платит настоящими деньгами, – а этим проказникам только то и надо!»

«Исключая двух-трех стариков, вся нынешняя литература представляется мне не литературой, а в своем роде кустарным промыслом, существующим только для того, чтобы его поощряли, но неохотно пользовались его изделиями. Самое лучшее из кустарных изделий нельзя назвать замечательным и нельзя искренно похвалить его без но, то же самое следует сказать и о всех тех литературных новинках, которые я прочел в последние 10–15 лет: ни одной замечательной, и не обойдешься без но. Умно, благородно, но не талантливо; талантливо, благородно, но не умно, или, наконец, – талантливо, умно, но не благородно. Я не скажу, чтобы французские книжки были и талантливы, и умны, и благородны. И они не удовлетворяют меня. Но они не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества – чувство

личной свободы, чего нет у русских авторов. Я не помню ни одной такой новинки, в которой автор с первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами со своей совестью. Один боится говорить о голом теле, другой связал себя по рукам и по ногам психологическим анализом, третьему нужно „теплое отношение к человеку“, четвертый нарочно целые страницы размазывает описаниями природы, чтобы не быть заподозренным в тенденциозности... Один хочет быть в своих произведениях непременно мещанином, другой непременно дворянином и т. д. Умышленность, осторожность, себе на уме, но нет ни свободы, ни мужества писать, как хочется, а стало быть, нет и творчества».

«Журналисты наши говорят часто о юных читателях и юных читательницах, которым может быть вредно такое-то и такое-то произведение. Кто с этим спорит? Но нянька не позволяет ребенку играть ножом. Благоразумные наставники не дают своим воспитанникам книги, несообразные с их летами. Когда ж мы уже вышли из-под надзора, вступили в свет и можем все видеть и все слышать, мы можем и все читать; и как не мир, а мы сами виновны, когда злоупотребляем жизнью, так не писатели, а мы сами виновны, когда злоупотребляем чтением».

«Наша публика так еще молода и простодушна, что не по-

нимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана...»

«Охота являться перед публикой, которая Вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали Вас потом шесть месяцев в своих журналах только что не по-матерну».

«У нас критика, конечно, ниже даже и публики, не только самой литературы. Сердиться на нее можно, но доверять ей в чем бы то ни было – непростительная слабость».

Вопрос: дорогие современники, когда и по каким поводам это сказано?..

Ответ:

В. Ф. Одоевский, «Записки для моего праправнука о русской литературе» (1840).

А. П. Чехов, «Скучная история» (1889).

Е. А. Боратынский, предисловие к изданию поэмы «Наложница» (1832).

М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени» (1840).

А. С. Пушкин, из письма М. П. Погодину, около 7 апреля 1834 года.

А. С. Пушкин, из письма М. П. Погодину, 11 июля 1832 года.

Дмитрий Бавильский

О первом поколении онлайн-читателей и актуальной словесности, проигрывающей классике

Кажется, мы первое поколение в истории человечества, способное работать в онлайн-библиотеках, то есть нам теперь в результате пары-другой кликов доступны любые тексты всех времен и народов. Актуальная словесность вынуждена выступать на поле неограниченных возможностей, конкурируя не в синхронии, но в диахронии.

И, разумеется, проигрывать классикам по глубине и «художественности».

Кстати, однажды так уже было, когда в Перестройку начали возвращаться запрещенные и отложенные книги, заполнив собой все пространство общественного внимания и убив тем самым ростки оригинальной литературы на несколько поколений вперед.

Тут, конечно, возникает и выходит на первое место проблема выбора. Когда времени мало, а предложение многократно превышает спрос, человек волен выбирать тексты под малейшие нюансы своих духовных и интеллектуальных потребностей, как то самое вино для конкретного времени суток, ну, или как парфюм, совпадающий с твоими собствен-

ными вибрациями или же нет. Если у меня сегодня плохо идет Гоголь, то, пожалуй, я возьмусь за Гюго.

Лучшие наши авторы давно уже поняли, что ревновать надо не к соседям и не к мужу Марьи Ивановны, но к Копернику и Кьеркегору. Это, в конце концов, продуктивнее, да и масштаб другой, «величие замысла» выше среднего.

Однако тогда вслед за фигурами классических текстов возникают фигуры классических (самых известных и привлекательных) авторов и вот с ними бороться (ну, или соревноваться) намного сложнее, чем с их бессмертными творениями.

Постмодернизм, внутри которого мы проживаем, предлагает нам любые ролевые модели на любой вкус, а каждый пишущий автор, так или иначе, чистит себя под светом тех или иных важных ему предшественников.

Каждый из них предлагает свою легенду, миф, набор курсов и жанров, а также прочих инструментов, облегчающих нам жизнь.

Ибо если ты успешен, то можешь кланяться писателям, прославившимся при жизни, а если отвержен – можешь найти утешение в биографиях мучеников литературы (настоящее творение – всегда проигрыш и мука, учил нас, дураков, Бланшо, а мы-то ему не поверили).

Это же Фрейд говорил, что никто не смеется в одиночестве, то есть в любой шутке всегда есть «место встречи» с коллегами по разуму, чьи ценностные и интеллектуальные

установки ты разделяешь.

Любой автор в обязательном порядке ориентируется на те поведенческие стереотипы, что исподволь подтолкнули его к творчеству, так как мы накопили такое количество разнообразных предшественников, что здесь, как на Ноевом ковчеге, давным-давно уже каждой твари по паре.

И это весьма мощная (так как чаще всего бессознательная) зависимость непреодолимого характера, сбивающая с истинного пути гораздо сильнее прямых или не прямых заимствований.

А главное-то, что она бесплодная и какая-то, что ли, выхолащивающая.

Так как нельзя по-настоящему стать вторым Чораном или русским Мураками, современным Набоковым или еще одним Бродским: великие не повторяются, важнейшие их завоевания как раз и заключаются в открытии новых, и, как одноразовая посуда, неповторимых стратегий.

Конечно, их можно дублировать и копировать, противопоставляя «Рождественскому циклу» Бродского набор пасхальных стихотворений или ощущая себя прямым продолжением Сюзан Зонтаг или Зебальда размерами поменьше, но идущими как будто бы в том же самом направлении, однако будет ли это считаться литературой?

В общем-то, будет, конечно, и не таких двойников-дублеров встречали, но в ситуации мучительно сжимающегося времени, наложенного на возможности неограниченного вы-

бора, будут ли копии конкурентно успешнее своих прототипов?

Впрочем, люди не любят особо задумываться над своим выбором и чаще всего выбирают то, что им предлагают «профессионалы». Которые, в свою очередь, тоже ведь вольно или невольно копируют кто Белинского, кто Писарева, а кто Галковского с Топоровым – критики... они ведь тоже люди, и ничто человеческое нам не чуждо.

А то, что все уже было, так или иначе, в сюжетах или в подходах – такая же природная данность, как всемирное потепление.

В ситуации, когда новое открыть практически невозможно, многие утешаются комбинаторикой.

Однако подлинные открытия ждут нас, как кажется, на путях новых технологий – тех самых, что ограничивают и формализуют наше чтение.

Живопись, казалось бы, существовала веками, но расцвет венецианского искусства связан с освоением масляной краски, пришедшей в Италию с севера.

Фресками Венеция не особенно блещет из-за своего излишне влажного климата, но именно масло подарило нам не только братьев Беллини и Тициана с Тинторетто, но и всех Тьеполо (Гварди, Каналетто), весь этот поздний расцвет барокко, плавно переходящего в окончательно выхолощенный классицизм.

Последние десятилетия подарили нам такое количе-

ство новых коммуникационных форм, что игнорировать их невозможно. Да, вероятно, и не нужно, так как, закрывая одни двери (пафоса и надмирного олимпизма бородатых классиков), они открывают десятки новых.

Я понял это, когда писал очерк о «Евангельском цикле» художников Дмитрия Врубеля и Виктории Тимофеевой. В основу своих больших композиций они положили перерисованные фотографии из новостной хроники, сопровождаемой библейскими изречениями. Показывая свои последние работы, Врубель заметил, что этот проект не был возможен еще полгода назад, так как в России тогда не работали платежные системы, позволявшие покупать у западных информационных агентств свежие фотографии.

Теперь они есть, из-за чего пришла в голову такая вот идея, оказавшаяся продуктивной.

Сами по себе технологии автоматически не гарантируют прорыва, но могут помочь взглянуть в правильном направлении. Хотя бы взглянуть, остальное же – дело твоих собственных творческих возможностей: платежные системы существуют для всех, но до «Евангельского цикла» додумались лишь Врубель с Тимофеевой.

Евгений Абдуллаев

Об э-книге² и революции в книгоиздании

Нас успокаивают, и мы себя успокаиваем, а революция, тем не менее, происходит.

Пока – только в книгоиздании.

Но она, как показывает история, всегда происходит сначала в книгоиздании. Сначала замена книги-свитка книгой-кодексом – следом распространение и победа христианства (христианские проповедники быстро оценили удобство книги в виде тетрадки). Переход от рукописной книги к печатной – следом Реформация (лютеране активно пользовались печатным станком). Изобретение в начале XX века офсетной печати, позволявшей резко увеличить тиражи, – череда революций...

В последние четверть века в книгопечатании произошли даже две революции. Первая – распространение лазерной печати. И вторая, буквально следом, – развитие цифрового книгоиздания.

Об идеологических последствиях пусть задумываются социологи и футурологи. Для этой небольшой заметки достаточно указать на литературные. Прежде всего, касающиеся

² Электронная книга. (Прим. ред.)

распространения электронных книг, или э-книг (e-books), как их все чаще называют.

Их читают все больше. Рынок э-книг, возникший, казалось бы, совсем недавно, уже превысил шесть процентов всего книжного рынка России (в США – порядка двадцати). И сохраняет тенденцию к росту.

С другой стороны, литературный статус э-книги остается сомнительным. Речь не идет об электронной версии книги, вышедшей в «бумажном» виде – в издательстве и/ или журнале с устоявшейся репутацией. Речь о книгах, существующих *исключительно* в электронном виде.

В «большую» литературу их пока не пускают, даже с черного входа.

Ни в одном толстом журнале не рецензируют.

Ни на одну крупную премию не принимают.

Помню, как в 2014 году на «Букер» был номинирован – в виде э-книги – роман Елены Колядиной «Под мостом из карамели». Писательница прислала в жюри прочувствованное письмо: после участия в экопротестах против строительства целлюлозного комбината в родной Череповецкой области она отказывается от выхода своих книг в «бумажном» формате. Гражданскую позицию автора жюри оценило, однако книгу все равно не пропустило... Возник вопрос об э-книгах и в 2017 году, на объявлении букеровского «длинного списка». Но дальше дискуссий дело не двинулось.

Проблема не в носителе: просто в пространстве э-книг по-

ка не отрегулированы те механизмы отбора и редактирования, какие десятилетиями (а то и столетиями) складывались в сфере «бумажного» книгоиздания, особенно в его «высоком» сегменте. Пусть сегодня эти механизмы работают все хуже; пусть книга, хорошо вычитанная, качественно отредактированная и грамотно сверстанная, становится, похоже, библиографической редкостью. Так что впору учреждать литпремии для литературных редакторов и корректоров, пока эти профессии еще не исчезли. Все это так. И все же отбор и работа с текстом в «бумажном» книгоиздании еще сохраняются, и, соответственно, сохраняется и более солидная «репутация» печатной книги.

И «цифровой» рынок начинает подражать бумажному».

Первой подсуежилась proza.ru, запустив в 2011-м для многотысячной армии своих авторов конкурс «Писатель года». Со своим (видимо, по аналогии с жюри «Большой Книги») «Большим жюри». Я даже входил в него в 2012-м – вместе с Битовым, Воденниковым, Шаргуновым, Ксенией Собчак и другими уважаемыми людьми. Попадались и вполне прилично написанные тексты – но в целом премия так и осталась маргинальной. Достаточно проглядеть списки лауреатов за восемь лет: фактом «большой» литературы ни одно имя, увы, не стало.

Но сама идея конкурсного отбора среди э-авторов может быть и вполне продуктивной. При менее «бизнес-ориентированном» и более «литературно-ориентированном» подхо-

де, разумеется.

В 2017 году «Amazon UK» учредил для «цифровых» авторов премию «Kindle Storyteller Prize». С солидным призовым фондом – победитель получает 20 тысяч фунтов стерлингов (для сравнения: фонд второй по значимости, после «Британского Букера», британской премии «Коста» составляет 30 тысяч фунтов). Плюс рекламная компания по продвижению книги-победителя. Лауреатом первого сезона стал Дэвид Лидбитер (David Leadbeater), пишущий в жанре фэнтези.

Похоже, примеру британского «Амазона» решил последовать крупнейший российский мегамаркет э-книг «ЛитРес». В прошлом году он переформатировал свою премию «Электронная буква», которая до этого вручалась уже известным авторам – лидерам электронных продаж. С прошлого года целью премии, как сообщается на ее сайте (ebukva.litres.ru), стала «поддержка начинающих авторов». «Цифровых», иными словами.

Отличие «Буквы» от британского аналога – в отсутствии призового фонда, а сходство – в обещанной рекламной компании: «главным призом является продвижение книг-лауреатов на всех ресурсах группы компаний „ЛитРес“». Что ж, и это хорошо.

Впечатления (как одного из экспертов премии) гораздо более отрадные, чем семь лет назад в жюри «Писателя года». Или средний уровень пишущих повысился, или сработали

жестко прописанные правила подачи текстов. Из двадцати пяти текстов, которые получил на прочтение, лишь два-три были откровенно любительскими; еще пара не проходила по формату (не худлит). В итоге отобрал семь – почти треть, что довольно много. Почти все эти тексты вполне могу представить в виде публикаций в толстых журналах или «бумажных» книг в крупных издательствах. Авторы не называю – когда пишу это, еще даже не объявлен «Длинный список»... Да и какие-то выводы делать о самой премии рановато.

В любом случае одних премий, построенных по принципу авторитетных премий для «бумажных» книг, недостаточно. Вместе с серьезными премиальными институтами в сфере э-книгоиздания должны возникнуть свои – опять-таки, серьезные – институты редакции и литкритики. Последние пока находятся в зачаточном состоянии – вроде стихийного читательского рецензирования на книгопродажных сайтах. Впрочем, эффективнее, думаю, было бы не создавать в э-книгоиздании параллельные экспертные структуры, а попробовать интегрироваться в уже существующие в «бумажном». Пойдут ли э-издатели по этому пути? Получится ли это? Будущее покажет.

Яна Семёшкина

О проблеме подросткового чтения и поколении Z – тех, кто родился после 1996 года

Проблема подросткового чтения активно переходит из педагогики в поле маркетинга и социологии. Сегодня мы наблюдаем настоящий взрыв интереса к представителям поколения Z, тем, кто родился после 1996 года. Generation trouble, или поколенческая тревога – если перефразировать современную исследовательницу Джудит Батлер ³, – становится актуальной темой не только для журналистов и HR-специалистов, это еще и новый академический тренд. Важно понять, что именно за ним стоит: маркетинговый ход или вынужденная реакция на что-то действительно новое, происходящее с молодежью?

Поколение Z называют digital natives – первыми «цифровыми аборигенами» (в то время как Y – цифровые мигранты). Они рождены в эпоху Интернета и опережают в IT-грамотности не только преподавателей и родителей, но иногда и старших братьев-гиков. В каждом классе есть ученик, который разбирается в информатике лучше, чем его учитель.

³ Judith Butler. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. NY.: Routledge, 1990.

В Сети любой школьник способен найти информацию, неизвестную педагогу. Это, в свою очередь, откладывает отпечаток на стиле потребления информации. «Зеты» не принимают подчинения, они выстраивают горизонтальную модель отношений с родителями, друзьями, учителями и, что особенно важно, – с текстом. Поэтому им так сложно воспринимать русскую классику, которую, по выражению Павла Басинского⁴, школьные педагоги согласны скорее с почетом и скорбными лицами похоронить, чем согласиться на актуализацию Чехова и Достоевского в комиксах или радикальных театральных постановках Константина Богомолова.

Кандидат экономических наук, преподаватель НИУ ВШЭ, эксперт в сфере социологии чтения Любовь Борусьяк подтверждает намеченную тенденцию: «У школьников наблюдается повышенный интерес к фанфикам, что приводит к замене субъектно-объектной коммуникации с писателем на субъект-субъектную, когда подросток вступает в равные отношения с автором и книга изначально создается как открытый проект»⁵.

Поколение Z всегда онлайн, 86 % подростков, по данным исследования «TrifectaResearch», в течение дня не выпускают из рук смартфоны. В результате у «зетов» формиру-

⁴ П. Басинский. Онегин – добрый мой приятель // Российская газета. 2019. 10 марта. № 52 (7810).

⁵ Здесь и далее цитаты представляют собой комментарии специалистов и исследователей, взятые автором для статьи. (Прим. ред.)

ется нарастающая «раздерганность сознания». Общение онлайн, обновляемая лента новостей формируют поколенческий синдром – постоянный страх упустить что-то важное, пока ты не заглядывал в монитор компьютера. Подростки теряют способность длительной концентрации на чем-то, пребывая в ожидании уведомлений, сообщений и лайков. «Мы говорим о поколении, которое выросло на гипертексте, – отмечает Андрей Лисицкий, директор московской Библиотеки Достоевского, – они все время перескакивают с одного формата на другой и могут перемещаться по тексту в разные стороны. Для них характерна нелинейность и гибридность потребления информации из различных источников: книг, гаджетов, видеоблогов. Поколение Z – значительная часть аудитории нашей библиотеки в дневное время».

Любовь Борусяк считает, что бытование понятия «чтение» исчезает в классическом понимании. «Под чтением сегодня понимается гораздо большее количество типов коммуникации. Прослушивание аудиокниги, просмотр кино или спектакля по литературному произведению – это тоже чтение. Даже знакомство с кратким содержанием перед уроком позиционируется как чтение», – отмечает эксперт.

Недостаток критического отношения к информации весьма характерен для Z. У них высокий уровень доверия к непроверенным источникам, например Википедии.

Однако они уже не так охотно реагируют на яркие образы – умение фильтровать информацию помогает им вычленять

самую суть контента из информационного потока.

Социальные сети – основной источник информации, новостей, общения и развлечений. Новые медиа, которые органично живут на страницах соцсетей, воспринимаются Z гораздо лучше. Во многом потому, что это позволяет им участвовать в жизни СМИ – высказывать свою точку зрения в комментариях, ставить лайки и делать репосты, быть вовлеченными в процесс.

Преподаватель литературы в «Хорошколе», писатель и автор телеграмм-канала «Говорящий тростник» Артем Новиленков считает, что изменились не способы потребления информации, а процессы, от которых они зависят. Для получения удовольствия «игреки» шли в кинотеатр или брали в прокате видеокассету – прилагали активные усилия. С появлением Интернета цепочка действий сократилась до одного клика. Доступней стала не только информация, но и сами удовольствия. «Мы можем вырабатывать дофамин, просто кликнув мышкой по иконке YouTube, включив любимый сериал или взяв джойстик в руки. Если информация требует от человека усилия, то у нее меньше шансов быть услышанной, стать массовой. С этим связана популярность соцсетей. Фишка в фрагментарности, в максимально быстрой скорости доставки», – полагает Артем.

Книга для поколения Z – это прежде всего акт самопрезентации. Важно не только прочесть книгу, но и выложить ее фото в Instagram. Книга, ориентированная на поколение Z,

должна быть самодостаточным арт-объектом, этим обусловлен ренессанс комиксов. Digitalnatives любят, когда сложные вещи объясняются через визуальный ряд.

«„Зеты“ провели большинство сознательной жизни уже после трагедии 11 сентября. Все сюжеты современной массовой культуры, которые нам предлагают Соединенные Штаты Америки (а именно они являются главным производителем сюжетов и медиаконтента в XXI веке), сводятся к истории 11 сентября», – отмечает Артем Новиченков. Возьмите „Мстителей“, „Игру Престолов“, весь „Netflix“ строится по схеме: у нас была идиллия, но тут появились маньяки, инопланетяне, мистические существа – нужно подчеркнуть, – и стало плохо. Дети, в том числе российские, всю свою сознательную жизнь проводят внутри одного и того же сюжета с супергероями и хеппи-эндом. Скажем, сюжет, который транслируется в русских сериалах: „сейчас плохо, но когда-нибудь будет хорошо“ им не откликается, потому что он актуален для старшего поколения. В этом смысле наши дети ценностно больше ориентированы на Америку, чем на Россию».

Социологические исследования «Trifecta Research» показывают: роль «бумажной книги» как культурного носителя по-прежнему остается важной в современном обществе. Чтение становится все более элитарным занятием, и здесь, по мнению Любови Борусяк, нет поколенческой тенденции: «В этом вопросе социальные различия существенно важнее, чем поколенческие. Такой тип коммуникации, как чтение,

формируется в семье. Есть интеллигентные семьи, где пытаются сформировать традиционный тип коммуникации с книгой, есть семьи менее благополучные, где дети проводят целые дни за компьютером. Традиционная образованная семья до сих пор прививает детям классический стиль коммуникации. Кроме того, вовлеченность в цифровые коммуникации возникает позже, чем первое взаимодействие с книгой. С раннего возраста родители читают детям сказки на ночь, и эта устная традиция до сих пор не изменилась».

«Книга становится статусным социальным объектом, который фиксирует определенное неравенство, – считает Андрей Лисицкий. – «Бумажная книга» – это социальный статус, атрибут интеллектуальной элитарности. Чтение позиционируется поколением Z как элитарное времяпрепровождение».

Артем Новиченков отмечает: «Мы до сих пор живем в христианской культуре, и книга остается сакральной. На фоне развития соцсетей и Интернета она еще больше сакрализируется».

Круг чтения поколения Z строится вокруг бестселлеров «young-adult» литературы. Особым успехом пользуется «Гарри Поттер» и зарубежная литература XX века – романы Ремарка, Сэлинджера, Брэдбери, Экзюпери. Практически отсутствует зарубежная классика XIX века, за исключением сестер Бронте. Из русской прозы с интересом читают «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова и «Два капита-

на» Вениамина Каверина.

Современная школа продолжает успешно формировать представление о сверхценности русской классики. Однако практики чтения сильно расходятся с ценностями, считает Любовь Борусяк, в рамках исследования ею были опрошены 700 школьников ⁶. Опрос показал, что современных отечественных авторов большинство из учеников не читают, поскольку уверены, что они не соответствуют уровню классиков. Напротив, зарубежная литература популярна у подростков, так как не подлежит сравнению с русской классикой.

Процесс обучения у поколения Z проходит по отличному от миллениалов сценарию. Сошлемся на распространенные памятки для менеджеров из книги «Поколение Z на работе» (2018) Дэвида Стиллмана: пишите четко по пунктам, объясняйте внятно, говорите коротко. Дети поколения Z слушают новую информацию только 8 секунд. Устная задача должна состоять примерно из 25 слов и быть разбита на подгруппы. При этом лучше давать им задачу в виде комикса. Социолог Елена Омельченко отмечает: Z с детства захвалены родными и педагогами, у них, как правило, большое количество медалей и призов за образовательные победы: чтение стихов, образование, плавание, пение. Поэтому за все, что они сделали, они должны получать призы. Без похвал и поощрений они не могут ни работать, ни учиться.

⁶ Чтение современного школьника: программное, свободное, проблемное. М.: Совпадение, 2016.

Нельзя подавать информацию в поучительной форме: их это быстро утомляет.

Нынешние преподаватели в большинстве своем люди книжной культуры, они привыкли учиться и познавать жизнь через усвоение сложных текстов. Поэтому пытаются учить молодых так, как учились сами. Но школьники зачастую отказываются понимать длинные сложные тексты, они хотят получать весь смысл сразу, в готовом, нарезанном виде. Единственное решение – уходить от вертикали власти в школе, превращаясь из закрытого монастырского сообщества в поле эксперимента, где между учителем, автором и учеником выстраиваются приятельские, партнерские отношения, где Пушкин и Достоевский – это не идолы на школьных портретах, на которые можно смотреть только снизу вверх, а в первую очередь собеседники и современники. Даже если их читают в комиксах. В конце концов, истинное величие классики состоит не в том, что она классика, а в том, что спустя двести с лишним лет она умудряется оставаться современностью.

Алексей Сальников

О современном читателе в Сети

Столько всего, что и не знаешь, за что хвататься. Вот эта волна читателей, что поставила с ног на голову, или на бок поставила, или вообще перетряхивает все прежние представления о том, как читатель должен общаться с автором. Причем речь не только о литературе. Лет двадцать назад как было? Автор читает критика, глядит, все хорошо у него в тексте, ну, либо читает и видит, что все плохо. Или критик вовсе автора не видит в упор, и автор ощущает себя этаким призраком. Или, допустим, читатель покупает какой-нибудь журнал типа «ОМ», не знаю, «Медведь», что там еще было? «Премьер», «Хакер». Вообще, удивительно, в журналах про моду писали о кино, в журнале про кино – про литературу, в журнале про компьютеры – про моду, литературу и кино. Ну так вот, открываешь любой из таких журналов, а там, допустим, отзыв на книгу. Конечно, нужно бежать в магазин, покупать книжку, на которую отзыв, потому что если про нее в глянце написали, то как она может быть неинтересной?

И действительно, рекомендовали совсем неплохие книги. К примеру, «Философы с большой дороги» Тибора Фишера издания «АСТ», к которому бесплатно прилагалось ощущение того, как завинчены гайки, ах, ах, в то время, когда мы и понятия не имели, как их могут закрутить на самом деле.

В газете можно было почерпнуть, что читать. Например, в той же «Литературной газете».

Но вот, покупаешь, читаешь, советуешь друзьям – и все. Может, кому-то в голову приходила мысль написать письмо автору. Поделиться любовью. Поделиться неприязнью. Но в этом тоже был такой интимный момент. Третьи лица не видели этой переписки. А сейчас читатель может высказать все на публику, и другие могут это прочесть и разделить. Может добавиться в фейсбучные или вконтакт-товские друзья и высказать все, что накипело, – или набежать на чужой отзыв и устроить там суций ад.

Разумеется, часто это просто порыв, часто – собственная амбиция, как в рассказе Шукшина «Срезал». Но почему бы и нет? Почему писатель может протащить читателя через некую историю, наполненную подчас ненужными подробностями, некими собственными комплексами, а читатель не может ответить, как ему было неловко за писателя в некоторые моменты этой самозабвенной игры? Тем более какая может быть тут сепарация? Сами же ну не всеми книгами довольны. И не только книгами.

Тут подходим ко второй штуке, которая имеется сейчас повсеместно, которая неимоверно захватывает. Это халтура в том, что можно назвать индустрией в целом. И литература еще вполне достойно выглядит на фоне всего остального, но все равно участвует во всей этой карусели безумного хайпа и молниеносного забвения. То есть когда дума-

ешь, вроде как хватит книжек, что-то не везет на них последние два месяца, пойду-ка я в кино. А затем, когда три часа и так и эдак ворочаясь в кресле кинотеатра, спрашиваешь себя, зачем, собственно, пошел на «Оно 2»? Зачем собрали всех этих актеров во всех этих сценах? Зачем наснимали эти душные приключения со спецэффектами? Понимаешь, что все происходящее – прямое следствие того, что Сапковский слил концовку «Ведьмака», Роулинг – концовку «Гарри Поттера», что труп Терминатора насилуют уже какой раз подряд, и можно было ожидать, что так произойдет и с «Оно», потому что множество интернет-ресурсов в лице неискушенных зрителей буквально вопили о том, что фильм не очень, но сам ты полез на некие более авторитетные порталы с рецензиями, а там фильм не сказать чтоб сильно ругали, говорили, что актер, игравший Пеннивайза, очень хорош, и т. д.

Зато смотрите, как это все толкает к чтению! Да, книга может оказаться плохой. Но фильмы и сериалы-то еще хуже! Особенно насчет последнего люди начинают что-то понимать. Это вот нагнетание до последнего сезона, а затем решительный слив в канализацию после нескольких лет многообещающих сюжетных поворотов. Только-только что-нибудь мелькнет, да тут же и скатится. То же и с книжными сериалами. Как в этом плане прекрасен законченный роман, а еще лучше классическая вещь, про которую уже все заранее знаешь задолго до того, как приступишь к чтению, а если чего не понял, всегда можно прочитать еще и толкования.

Иностранная литература тоже не всегда так хороша, как ее расписывают, когда очередной роман только издан. Он такой же, как наш, только иностранный, тоже подчас имеющий и скучные диалоги, и то, что можно считать лишним, и то, что у нас считают чернухой, только с местным колоритом, и все прочее.

Растет количество читателей, которые благодаря Интернету не только получили доступ к огромному количеству книг, но и потребляют просто массу литературы без необходимости листать страницы, то есть в виде аудиокниг. Растет масса прочитанного таким способом. Поскольку есть возможность оставлять где-то отзывы, увеличивается и количество отзывов.

Да, те люди, что шельмуют современную литературу, подчас с той же мерой подходят и к классикам, тоже как бы срываю́т покровы, с удовольствием лепят единицы за роман Тургеневу, Достоевскому, Толстому. Но есть и другие читатели. Просто до нынешнего времени мы не слышали их голосов. Все оставалось в тех рамках, в каких все обвыклись. Происходящее сейчас ни хорошо, ни плохо. Оно просто непривычно. Этот процесс не заменяет ни экспертных оценок профессионалов (да, да, здесь можно закатить глаза и тяжело вздохнуть, потому что есть взгляд, что все мертво: литература, критика, филология, литературоведение и литературное образование, а еще издатель мертв, куплен и что-нибудь еще), ни привычного литпроцесса (которого тоже нет, разу-

меется).

Мы все до сих пор не изжили эту совершенно идиотскую привычку смотреть на происходящее как бы из башни, из-за некоторого забора писательской дачи, даже если и дачи никакой нет. С высоты стопки прочитанного, написанного. Может, отсюда все эти сетевые склоки, не делающие чести ни одной из сторон литературного спора? До сих пор не поняли, насколько тесно мы живем, насколько знаем друг друга. И при этом, как бы ни были враждебны друг другу, вот появление наивного чужака, которому ответить бы по-доброму, вовсе не отвечать, словом, быть более терпимым, так ведь нет – растет ветка или такого окармливания адепта, или стеба над незнакомцем. Очень красиво, знаете, видеть, как культурный человек относится к некультурному некультурно.

Мне кажется еще, что эти сетевые читательские высказывания сильны именно внутусовочностью. Не собираюсь ставить под сомнение авторитет современной критики, вот насколько. Но что-то подсказывает, что отношения внутри нынешней литературной тусовки наверняка могут как-то влиять на то или иное критическое высказывание. Откуда знаю? Да по себе и знаю, что уж скрывать, насколько симпатия, антипатия могут исказить восприятие текста, насколько личное знакомство делает автора симпатичнее, чем автор абстрактный.

Похоже, стоит привыкать, что о литературе будет говорить

все больше людей. Забавно повторяется история. За месяц до столетнего юбилея ликбеза писать про что-то подобное по массовости, по потрясению устоев.

Кирилл Молоков

О пользе и вреде аудиокниг и чтеце как посреднике между писателем и читателем

В современном, бегущем непонятно куда мире довольно сложно найти время для чтения, если ваша профессия хотя бы косвенно не связана с этим занятием. Даже при самой педантичной организации распорядка дня не каждый может сесть и провести за книгой хотя бы полчаса. Кто-то слишком устает на работе. У кого-то сидячий образ жизни и в приоритете – вечерняя пробежка. Причин много. Не стоит также забывать, что не все качественные книги носят развлекательный характер. Чтение серьезных произведений, например условного Сартра, без базы и хорошего читательского опыта может невольно спровоцировать тошноту и абсолютное неприятие литературы. А если книга представляет собой детективный блокбастер а-ля Стиг Ларссон, то ей всегда найдется достойный конкурент в виде экранизации, которая, в общем-то, отлично передает содержание произведений, делающих ставку на неожиданные повороты в сюжете. Книги сегодня находятся в крайне комическом положении: они гордо пылятся на вершине человеческой культуры. И ключевое слово здесь вовсе не «вершина». Литературе

сложно конкурировать с другими формами искусства по той простой причине, что она требует слишком много времени и абсолютно исключает возможность заниматься параллельно чем-то еще. Как это ни парадоксально, но спасение безумным потокам сознания Бенджамина Компсона и Леопольда Блума пришло именно оттуда, откуда его рьяные книголюбы ждали меньше всего, – от технологий.

Помню, как я в студенческие годы впервые наткнулся в Интернете на слово «аудиокнига». Со скептически нахмуренными бровями я скачал обычную электронку, но, пробежавшись еще раз глазами по списку не прочитанных для экзамена книг, неохотно пошел искать аудиоплеер. Слушать первую аудиокнигу было несколько непривычным занятием, однако в день экзамена я ловил себя на мысли, что прослушанные книги я помнил и был в состоянии проанализировать точно так же хорошо, как и прочитанные. Огромное преимущество аудиокниг заключается в том, что их можно слушать где угодно и как угодно. Унылая поездка в метро внезапно превращается в увлекательную одиссею, а монотонные упражнения в спортзале – в подготовку к защите Хельмовой Пади. Как результат, время, которое мы отводим на вынужденные передвижения, не тратится впустую, а возможность совмещать прослушивание аудиокниги с условным фитнесом удваивает его полезность.

Да, кто-то возразит, что и книги можно читать, например, за обедом. Можно, но беда в том, что тот же «Мисо-суп»

Рю Мураками требует такой высокой концентрации, что вы едва оцените вкус самого блюда. Аудиокниги позволяют более эффективно использовать время, не имея при этом явных «побочных эффектов» – скажем, чтение в автобусе очень сильно сажает зрение из-за отсутствия четкого фокуса на тексте.

Разумеется, как и у всего, у аудиокниг есть свои недостатки. Не раз устанавливалось, что при их прослушивании студенты и даже специалисты порой не так хорошо запоминали второстепенных персонажей и мелкие детали, а сами аудиокниги гораздо быстрее забывались (с чем, к слову, не раз сталкивался и я). Усвоение аудиокниг требует определенного навыка и может совершенно не подойти людям, плохо воспринимающим информацию на слух. И все же сложно не согласиться с тем, что плюсов у современного носителя текста настолько много, что, выбирая между «нечтением» вообще и аудиокнигами, многие предпочтут второй вариант. Нет никаких сомнений, что аудиокниги несут огромную пользу. Вопрос в ином: насколько чтение сопоставимо с прослушиванием? Является ли аудиокнига оригинальным произведением или же это еще один способ ее интерпретации?

Если подумать, то основное предназначение книг состоит в трансляции мысли, которая была зафиксирована в тексте с помощью символов того или иного языка. Даже если текст изобилует стилистическими изысками, он все равно

остаётся некой мыслью, которую мозг должен обработать и понять/оценить. С этой точки зрения написанная фраза едва ли приобретает большее смысловое и художественное наполнение (если речь не идет о какой-нибудь графической поэзии), нежели фраза сказанная; и в этом отношении аудиокнига и книга на равных правах могут претендовать на статус «оригинала». Ключевая разница между двумя носителями, как мне кажется, заключается в их восприятии. Нет, проблема даже не в том, как работает наш мозг при чтении и аудировании, а в том, какую роль играет чтец и музыкальное сопровождение аудиокниги. Грамотный чтец, пусть и в крайне редких случаях, может создать неловкую иллюзию того, что вы слушаете не бульварный детектив, а серьезный психологический триллер. Чтец становится неким посредником между автором и читателем, разрушая художественную интимность их отношений.

Какой бы качественной ни была начитка, она невольно будет ограничивать свободу интерпретации читателя. В процессе чтения мы часто по-своему расставляем акценты и обращаем внимание на вещи, которые тревожат нас больше всего. Это позволяет читателю напрямую взаимодействовать с автором, а каждый отдельно взятый читательский опыт становится особенным и уникальным. Аудиокниги лишают слушателей такой возможности, предлагая всем одинаковые интерпретации. С другой стороны... так ли это важно, если в приоритете вечерняя пробежка?

Владимир Новиков

Об этике и эстетике общего дела

«А мне это все безразлично. Лишь бы меня самого печатали». Так неосторожно обмолвился в кулуарном разговоре один из самых авторитетных прозаиков. Было это во время бурного писательского собрания времен перестройки и гласности. Многих тогда это шокировало, я же, грешным делом, подумал: имеет художник слова право на такую позицию. Живет один, идет дорогой свободной. Форсирует качество текста. А сиюминутные цеховые проблемы, как и политическая суета, – это для честных посредственностей, пылающих общественным пафосом.

Прошло примерно так тридцать лет и три года. Тот прозаик напечатал еще немало талантливых текстов и достойно завершил свой путь, творческий и жизненный. Мастера похорошему вспоминают близко его знавшие, уважают знатоки, но как-то не идет бессмертье косяком. Как и у целого поколения, ушедшего в историю. Принципиальный индивидуализм и высокомерный эстетизм обернулись невниманием со стороны читательского класса.

А уж почти всем, кто вступил в литературу недавно, теплоты живого, не «организованного» людского интереса не досталось изначально. Каждый в одиночку бьется за свое скромное литературное имя, не позволяя себе роскоши от-

стаивать еще чьи-то литературные имена. Вспоминается одна из «букеровских» конференций, проведенных Игорем Шайтановым. Выступавший в самом начале Александр Кабаков предпринял удачную провокацию: современному роману, говорит, не хватает «романов» в сюжете, то есть любовных историй. Один за другим встают оскорбленные романисты и заявляют: неправда, у меня любовной сюжеттики предостаточно. И нет чтобы кто-то привел как положительный пример не себя, а коллегу, а тот бы ему ответил аналогичной любезностью. Нет, для большинства современных литераторов чужие имена – табу. Понятно, что момент ревности и даже зависти – в самой писательской природе, но все-таки в прежние времена было принято обуздывать свое ближнезлобие – во имя верности общему литературному делу. Один человек не может заменить собою всю литературу – даже если он плодовит и универсален, как Дмитрий Быков. А Быков, кстати, являет собой в этом смысле отрадное исключение – истинный гражданин литературы, он постоянно говорит и пишет о братьях-писателях: то тепло, то прохладно, причем и то и другое работает на популярность упоминаемого.

В целом же в российской литературной истории первое двадцатилетие XXI века останется повестью о том, как наша словесность стремительно теряла остатки былого общественного значения, читательской популярности и внутренней творческой солидарности. Пообщаешься с народом, по-

интересуешься его кругом чтения – и хочется честно сказать литературному сообществу финальной строкой из пародии Леонида Филатова на Евгения Евтушенко: «Все в порядке. Они про вас не знают НИ-ЧЕ-ГО!»

Роман Дэвида Лоджа «Nice Work», посвященный как раз теме «литература и жизнь», начинается с того, что директору завода сообщают: к вам сегодня придет в порядке шефства профессор английской литературы. Он переспрашивает: «English – what?» Читая это в середине 90-х годов, я от души смеялся и думал: ну, в России-то такое невозможно. У нас слово «литература» – национальный символ.

Но вот сегодня, бывая в учреждениях здравоохранения, иногда слышу от эскулапов, узревших в карточке место работы (МГУ): а что преподаете? И, получив ответ «литература», – они отнюдь не оживляются, а один юный врач, помрачнев, вдруг изрек: «С литературой у меня проблема». То есть не знает, не любит, не читает. Но ведь когда-то почтение к литературе было нормой, а уж медицина и словесность дружили и сотрудничали. У сегодняшних же медиков проблема не только с литературой, но и с речевой коммуникацией: они разговаривать с пациентами не умеют. Тут уже приходится говорить не только о «качестве текста», но и о качестве жизни.

Кстати, с пресловутым «качеством текста» дело сегодня обстоит неплохо. Я бы предложил считать его вполне удовлетворительным. За последние лет сорок – сорок пять оно

выросло, что ощутимо для критиков-ветеранов с солидным стажем. Откроем любой нынешний толстый журнал и сравним его с журналом конца 70-х годов: уровень письма стал гораздо выше, вместо дежурной конъюнктуры – причастность к вечным культурным ценностям, вместо штампованного советского языка – изысканная полистилистика. А поэзия? Совсем недавно изучал список премии «Поэзия» в поисках «стихотворения года»: сто добротных произведений, претензий к «качеству текста» нет. И верлибры, и стихи метрически-рифмованные равно профессиональны. Наверное, есть еще не менее сотни таких же квалифицированных стихотворцев. Проблема только с читателем, который мог бы быть, но которого почему-то нет.

Современная русская литература угодила в информационную яму. Не буду повторять набивший оскомину тезис о кризисе критики – ведь уже и простая литературная журналистика сходит на нет. «Живу тускло, как в презервативе», – эти давние слова В. Б. Шкловского может сегодня повторить едва ли не каждый писатель. В современной прессе для упоминания о конкретном труженике слова имеется ровно три информационных повода: юбилей писателя, его кончина и получение им премии. Потому не стану критиковать и премиальный процесс: при всех неизбежных издержках он в этом ряду наиболее эффективен.

Думаю, спасение писателей, тонущих в информационном океане, – задача еще и эстетическая. Выплывут те, для кого

коммуникативный вектор станет способом обновления, преодоления художественной инерции. Посмотрите на прорыв, осуществленный Дмитрием Даниловым: после довольно герметичной прозы («Горизонтальное положение», «Описание города») он выстрелил в десятку своими пьесами. «Человек из Подольска» оказался и точнее, и глубже индивидуалистического мифа о «свободной личности в несвободном обществе». «Собачий лес» Александра Гоноровского сравнивают со Стивеном Кингом: что ж, ориентация на короля масскультуры не повредила прозаику-интеллектуалу. А осязаемый читательский успех «Дней Савелия» Григория Служителя наводит на следующую мысль: не лучше ли написать вещь «простую», которая потом обнаружит свою неоднозначность, чем пыжиться и корпеть над глобальным замыслом, который потом обернется претенциозной пустышкой?

Наш друг В. Каверин (прошу напечатать именно так: это его литературное имя, без длинного «Вениамина»), чьи «Два капитана» сегодня на глазах переходят из разряда «детской литературы» в категорию высокой прозы, в 1954 году выступил на Втором съезде писателей – да так круто, что его потом к такой трибуне уже не подпускали. Вся дерзость, впрочем, была в конкретности и коммуникативности. Ни слова о себе самом, все больше за других заступался, за Булгакова да Тынянова. А закончил эффектным монологом, где каждый абзац начинался словами: «Я вижу литературу...» О будущей литературе шла речь.

В каверинском духе хочется закончить так: я вижу литературу, основанную на таком общении автора с читателем, которое не могут заменить другие виды искусства и самые современные информационные технологии.

И она придет. По непреложным законам литературной эволюции.

Алексей Варламов

О каналье в барашковой шапке

В последнее время все чаще приходится слышать разговоры о том, как жили писатели в советские времена. Какие тогда были тиражи, гонорары, сколько платили за пьесы, за экранизации и сколько платят сейчас, и все сравнения не в пользу дня сегодняшнего. Психологически это очень понятно, и, хотя того периода как писатель я практически не застал, все же мой первый гонорар за трехстраничный рассказ в 1987 году в журнале «Октябрь» превышал в два раза зарплату в университете, а первая книжка вышла тиражом сразу 75 тысяч. Но дело не только в цифрах, а в общей атмосфере. Была литературная жизнь, борьба, интриги, был бес партийности. Это я не к тому, что хотел бы вернуться в прошлое, а к тому, что сегодняшний день кажется мне в отношении литературы по-своему очень правильным и при этом, как все правильное, несколько скучным.

В самом деле, кто был главным врагом писателя в советское время? Цензура. Ее в литературе больше нет. Не хочу ничего идеализировать, и понятно, что на телевидении, например, ситуация иная и туда пускают далеко не всех, но литература – вольноотпущенница, и, думаю, даже самый оппозиционный, самый непримиримый писатель вряд ли сможет привести сегодня пример, как ему не позволили издать кни-

гу, продавать ее в магазине или встречаться с читателями. Да, это скорее говорит не об отдельной исключительной территории книжной свободы – хотя по факту это именно так! – а о том, что литература сегодня властям не столь интересна. С другой стороны, что в этом плохого? Формула Некрасова «поэтом можешь ты не быть...» ушла в историю. Никто никому ничего не должен. Хочешь быть либералом – будь, хочешь быть патриотом – имеешь полное право, нравится тебе быть аполитичным – никто слова не скажет. Отсюда и роль толстых журналов. Раньше было очень важно, где ты печатаешься и против кого дружишь. А сегодня правые и левые несут свои книги мимо «толстяков» прямехонько в «Редакцию Елены Шубиной», и она решает, кого издавать, а кого нет, исходя явно не из политической конъюнктуры.

Дух партийности, групповщины, союзничества из литературы ушел, выветрился, хотя особо заинтересованные товарищи и пытаются его вновь создать. Но тщетно... Из колхоза или совхоза, каким литература была в советское время, со всеми плюсами и минусами коллективизма, с его героями труда, передовиками производства, бригадами (деревенщички, горожане, военная проза, сорокалетние), литначальниками, отщепенцами, злостными прогульщиками, единоличниками, дезертирами и пр., изящная словесность превратилась в россыпь хуторов и латифундий. У одного хозяина земли больше, у другого меньше, у одних чернозем, у других зола, песок или вечная мерзлота, кто-то ее прикупает здесь

или за границей, а кто-то вынужден продавать за бесценок и наниматься на телефабрику или устраиваться на госслужбу, одни свой товар импортируют, а чью-то продукцию нигде не берут, некоторые книги экранизируются, инсценируются, а другие пылятся на складах, но в целом жаловаться больше не на кого.

Сумел убедить издателя вложиться в твою книгу, сумел завоевать читателя, заинтересовать режиссера, продюсера, литературного агента – молодец, нет – сам виноват. Это немножко жестоко, но справедливо. И разве не об этом мечтали поколения русских писателей? Как там было у Булгакова, в его святочном рассказе «Воспоминание», где Ленин выводит любезную поэту формулу:

– Пусть сидит веки вечные в комнате и пишет там стихи про звезды и тому подобную чепуху. И позвать ко мне этого каналью в барашковой шапке.

Только вот собрались мы третьего дня с писателями, лауреатами российско-итальянской премии «Москва-Пенне», в каминном зале ресторана Дома литераторов, и потекли воспоминания про колысь. Как раньше в этот дом приходили одни только члены Союза, как обмывали свои книги, а в самом каминном зале находился большой партком, и тут вершились в прямом смысле этого слова писательские судьбы. Лет двадцать или даже десять тому назад ничего, кроме ненависти к этому парткому и радости от того, что его больше нет, у меня бы не было, а сейчас я сидел, слушал, как хотели, на-

пример, исключить из КПСС убежденного монархиста Солоухина, но за него вступилась «русская партия» в ЦК, и думал, блин, как это было круто. Монархист, член КПСС, русская партия, мой глупый земляк Солоухин зовет вас в лес соленые рыжики собирать, да плюньте вы ему в его соленые рыжики, лучше займемся икотой... Где все это?

Советская литература, равно как и литература Серебряного века, сумела создать миф. Твардовский, Кочетов, бодался теленок с дубом, соцреализм, шестидесятники, «Метрополь», самиздат, тамиздат... Эту историю интересно изучать (менее интересно в ней жить), о ее героях любопытно писать и читать книги, дискутировать, искать архивные тайны, читать разнообразные мемуары, письма, дневники, а вызовет ли такой же интерес наше время? Притом что есть хорошие писатели, есть замечательные романы, но вокруг них нет легенды, интриги. Ее пытаются иногда создать искусственно, но фальшь становится сразу видна, старые приемы приедаются, и когда какая-то свежая мифология вдруг прорывается, это и ошарашивает, и радует.

Так, в уходящем году после того, как премию «Ясная Поляна» получил Сергей Самсонов за роман о Донбассе, ко мне после церемонии вручения подошла одна дама и сказала со значительным видом:

- Ну понятно. Оттуда спустили указание.
- Откуда? – не понял я.
- Из Администрации Президента.

Поскольку я сам член жюри этой премии и на моих глазах происходило обсуждение длинного, а потом короткого списка, я мог ее легко опровергнуть, но подумал – зачем? Пусть хоть так, это ж прикольно. Администрация Президента, которой заниматься, наверное, больше нечем, читает романы, интригует, лоббирует, уговаривает внука Михаила Александровича Шолохова вручить победителю премию. Миф, однако...

Шамиль Идиатуллин

Про здесь и сейчас и смысл литературы

Я удачливый писатель: у меня есть некоторая известность, пара премий, внимательные издатели и, главное, читатели, образующие, может, не самый многочисленный, но очень умный, умелый и качественный отряд.

Я счастливый читатель: мне доступен почти любой текст, в каком бы году и на каком бы языке он ни был издан.

Я благодарный представитель российской литературы, великой, могучей и не слишком удачливой. Для большинства книга превратилась из лучшего подарка, украшения интерьера и ежедневного утешителя в пылесборник и пережиток советского прошлого, которому место в лучшем случае на даче, а в основном – на подъездном подоконнике, авось кто подберет (к счастью, пока еще подбирают). Произвольно выбранный актер, рэпер или блогер популярней, влиятельней и богаче самого маститого писателя. Литературные страницы и рубрики истреблены как класс в большинстве традиционных СМИ и телеканалов.

Тираж в 2 тысячи экземпляров стал стандартным и зачастую не выкупается почти 200 миллионами, если считать с СНГ и диаспорой, потенциальных читателей. При этом, как

правило, современная российская литература составляет малую долю рациона среднего отечественного читателя, а читателю зарубежному совсем незаметна.

Этот упадок можно списать на проблему одних только писателей и читателей, и тогда беспокоиться не о чем: первые – марш на завод, в мерчендайзеры или охранники, вторые – пусть читают, а лучше смотрят иностранное и играют в него – уже сейчас на десяток поколений хватит, и с каждым годом лес все гуще. Увы, списать не получится. Литература наряду с журналистикой и социологией остаются инструментами, с помощью которых общество осваивается и пытается выжить здесь и сейчас. Они ловят, ощупывают и, как могут, описывают пресловутый миг между прошлым и будущим, поставляя препарированный материал остальному инструментарию, от политики и экономики до науки и этики. Без журналистики общество не видит и не слышит происходящего, без социологии не понимает собственной реакции, без литературы не может прочувствовать происходящего и того, больно это, холодно или сладко. Литераторы работают частью мозга общества, не самой умной, продвинутой и точной, но ответственной за то, чтобы справляться с текущей реальностью. Литераторы отвечают за то, чтоб общество не рехнулось окончательно, а искало ответы на главные вопросы, подсунутые литературой.

Без тентаклей или вкусовых сосочков, в роли которых выступают литераторы, общество собирает лбом неизбежные

грабли, смело погружается по локоть во все оголенные розетки и вгрызается в колбасы, которые и за двадцать лет до просрочки пробовать не стоило. И чужие сосочки, позаимствованные у пусть даже самых чутких соседей с изумительно тонким вкусом, помогут не сильно – розетки и колбасы у всех разные, на чем бы ни настаивал старик Фрейд.

Поэтому нужна литература. Поэтому нужны писатели как люди, которые помогают человечеству выжить и адаптироваться к каждому историческому этапу. Поэтому проблемы литературы, а тем более ее выпадание в малосущественный осадок, оказываются большой бедой всего общества. К счастью, не сразу. К сожалению, неизбежно.

И поэтому же смысл литературы – писать про современность и современников. Разнообразно. Меняя угол наблюдения, степень прищуря, ракурсы, технику и жанры. И вот тут, в принципе, можно и нужно оглядываться на соседей. В последние полвека несущими колоннами, скажем так, премиального мейнстрима во всем мире служат исторический и остросоциальный романы, роман взросления и интеллектуальная фантастика, в такт которым разнообразно развивается нон-фикшн. У нас же грех (и поздно) жаловаться лишь на первую из составляющих. Хруст французской булки, проклятый Сталин, эхо Отечественной и подмороженная «оттепель» заняли едва ли не все пространство, не отъеденное бульварным чтивом. От него, от дамских романов, скверных детективов и низкосортной фантастики читатель давно устал

– но к так называемой большой литературе массово так и не привалился. Не только потому, что цифровая эпоха предлагает массу более дружелюбных легкоусваиваемых развлечений, но и потому, на мой взгляд, что в высокой прозе читатель не находит себя. Он увлеченно читает интеллектуальную прозу, которая напряженно исследует тонкости адаптации личности и общества к новой эпохе и новому миру, отличные книги про растерянного обывателя в цифровом Вавилоне, про замотанного родителя хипстеров, раздавливаемого кредитами, семейным долгом и новой нравственностью, про переселенцев, беженцев и гастарбайтеров – в Британии, Германии, Норвегии, США, Канаде, да хоть Антарктиде, но не у нас, потому что наших обывателей и гастарбайтеров как бы нет. То есть они есть, конечно, – это выясняется, когда посвященная им заграничная книга переводится на русский или когда Netflix либо HBO вываливают очередной сериал по этой книге и эту книгу с сериалом можно растоптать как недобросовестные, порочащие, полные лжи и лажи.

С отечественной книгой обходятся так же. В лучшем случае читатели и критики из сочувствия к автору объясняют слабость книжки спецификой российской действительности, подобно вампиру не отражаемой стандартным литературным зеркалом и, стало быть, требующей иных отражателей, дополнительного времени для осмысления, а в идеале выращивания новых Толстых с Достоевскими, способных справиться с нонешней полыхающей злободневностью.

Это не только выученная литературная беспомощность и полная ерунда, не позволяющие вырваться из плена истории и бесконечного хождения по кругу. Это еще и профессиональное преступление: отдавать внукам или соседям на описание и осмысление собственную кровотокающую, пульсирующую, бьющую и такую интересную жизнь, в которую надо всматриваться, вгрызаться, втискивать пальцы и что получится.

Даже если в обществе существует тихое отрицание нашей реальности – типа «я не хочу быть участником всего этого», люди, которые заточены на то, чтобы изучать и отображать жизнь социума, не должны молчать. Они должны искать и подсказывать если не выходы, то хотя бы тупики. Иначе мы так и будем тетешкать себя мантрой «и так все все знают», а потом изумляться: ой, пацаны на улицу вышли, ой, чиновники, оказывается, все украли и уже нас кушают, ой, завод рванул, ой, нам на родном языке говорить запретили, ой, наши защитники выходят нас защищать не со щитами, а с дубинками, – и хорошо, если успеем изумиться-то.

Лично меня изумляет вновь проснувшееся стремление сделать из нас одинаковые винтики, которые бы говорили на одном языке, исповедовали одну веру, одинаково одевались, одинаково голосовали, причем не по существующему, а по искусственно верстаемому канону. Но приведение к одному знаменателю затирает яркие оттенки в социуме. Красное, зеленое, белое, черное становятся одинаково серым. И

все книжки про них, от «Мы» и «1984» до «Пятидесяти оттенков серого», уже написаны. Да и помним мы, чем и как быстро такая серость кончается. Больше не хочется.

Россия – сумма разных культур, в этом ее сила и особенность. Сильная свободная страна достойна сильной свободной и разнообразной литературы, без которой ей труднее быть сильной и свободной.

Григорий Служитель

О вневременности литературы и редком ингредиенте в кухне современной прозы

Если литература чему-то и учит, то только одному: время иллюзорно. Описать неурожай, осаду города, ритуал; упорядочить свои или чужие мысли, чувства и доверить их бумаге (папирусу, глиняным дощечкам или бересте) – это одно из главных технических открытий эры человека разумного. Слово не столько информирует, сколько деформирует. И не читателя, а само время. Эта теория имеет простое и очевидное доказательство: за чтением интересной книги время летит гораздо быстрее. Все писатели (возьмем шире, художники) – современники. И в этом есть чудесный и непреложный закон искусства.

Во всяком случае, я представляю себе литературу не как уходящую в прошлое колею (вот тут у нас Сорокин и Пелевин, там неподалеку Набоков, там еле виден Диккенс и уже где-то совсем за горизонтом непонятный, окаменевший Боккаччо). Культура вообще анахронична. Любой автор находится на расстоянии, отделяющем глаза от страницы. Бумажной или электронной. В этом смысле граница между современной и, положим, античной литературой если не стерта,

то проведена блеклым пунктиром. И на этой границе нет ни шлагбаумов, ни таможни, ни овчарок, ни пунктов досмотра.

Но все-таки плюрализм мнений и свобода слова имеют обратную сторону, кровавый, если угодно, подбой. Каждый, имеющий доступ к Интернету, глубоко убежден, что мир рухнет, если он не выразит своего мнения по какому-либо вопросу. Так вот, современный критик представляется мне таким выжившим после кораблекрушения, который каждую корягу на горизонте принимает за спасительный корабль. Но мне кажется, что должно пройти какое-то время, чтобы книга отстоялась, чтобы стало понятно, что же она представляет из себя на самом деле. Короче, я плохо разбираюсь в современном литературном процессе, но некоторые тенденции актуальной русской прозы мне очевидны: остросоциальность, документальность и перефокусировка с недавнего прошлого на день нынешний и даже иногда грядущий (жанровую литературу: фэнтези, детективы и т. д. – я не имею в виду).

При этом писателей я разделяю на три рода войск: те, кто отображает действительность, искажает ее и преобразует. В качестве аналогии с первыми могу привести такой пример. По Интернету гуляет ролик, в котором Джим Керри с феноменальной, прямо-таки дьявольской точностью копирует мимику и жесты Николсона в сцене из фильма «Сияние». В верхней части экрана – Керри, в нижней – Николсон. Возможно, те, кто не знаком с творчеством Кубрика, не сразу

поймут, где оригинал, а где эрзац. Сделана пародия не просто мастерски, а пугающе достоверно. Высокочеткое копирование и есть первое и единственное достоинство этого ролика. То же я могу сказать и о литературе. Да, вне всяких сомнений, писателю не принадлежит ничего, даже язык придумал не он; процесс сложения слов, по сути своей, временное заимствование. Но в самом подражании жизни уже есть какое-то ложное самоуничужение. Это следование за несуществующим вожатым по чужой лыжне. Искажение – это месть миру. За что угодно: за детские обиды, за неврозы, за несложившиеся любви и т. д. Такие высказывания приносят боль читателю, но имеют (не всегда) терапевтическое воздействие на автора. Преображение – это благодарность миру. Лично для меня наиболее близкий подход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.